

Всем, кто любит кота... Боба

Кейт Мур

Феликс

С ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Подарок от Боба (АСТ)

Кейт Мур

Феликс с железной дороги

«АСТ»

2017

УДК 821.111(73)
ББК 84 (4 Вел)-44

Мур К.

Феликс с железной дороги / К. Мур — «АСТ», 2017 — (Подарок от Боба (АСТ))

ISBN 978-5-17-104030-7

Феликс не просто сотрудник английской железной дороги. Это черно-белое пушистое создание меняет к лучшему жизнь тех, кто встретит его на своем пути. Феликс многое под силу: успокоить разбушевавшегося пассажира, помочь ребенку-аутисту, согреть маленького беглеца, коротающего ночь на вокзале. Любовь, с которой все относятся к Феликс, абсолютно заслужена, равно как и известность, которой пушистый сотрудник Хаддерсфилдской станции пользуется не только у себя на родине.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (4 Вел)-44

ISBN 978-5-17-104030-7

© Мур К., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Безумная затея	8
Глава 2. Мышь не проскочит	12
Глава 3. Рождение звезды	15
Глава 4. Добро пожаловать в Хаддерсфилд	20
Глава 5. Первый день на службе	23
Глава 6. Что в имени?	27
Глава 7. Феликс – маг	31
Глава 8. Новые открытия	34
Глава 9. Восхитительный новый мир	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Феликс с железной дороги

Kate Moore

Felix the Railway

Copyright © Kate Moore, 2017

© Cat Race, CatsDog Photography

© А. Панина, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Предисловие

Если соберетесь в Йоркшир, на станцию Хаддерсфилд, знайте – вас там ожидает нечто удивительное. Не исключено, что сотрудником, который терпеливо дежурит в окошечке справочной, чтобы отвечать на вопросы пассажиров, окажется не веселая девушка или дружелюбный пожилой мужчина в фиолетовой с темно-синим форме «Транспеннинского экспресса». Может случиться, что на дежурстве будет Феликс, хаддерсфилдская станционная кошка.

Она гордо восседает за столом, привычно вслушиваясь в вокзальную сутолоку, и встречает вас умным, внимательным взглядом зеленых глаз. Ее пушистый черный хвост с белым кончиком ритмично ходит из стороны в сторону, почти что виляет, словно приветствует вас.

Но Феликс – не домашняя кошка, а сотрудник-дератизатор. Пассажиры годами гладили и тормошили ее, поэтому иногда она относится к чужим с опаской. Но с теми, с кем она знакома, будь то железнодорожники или пассажиры, она безгранично нежна.

Одним грациозным прыжком она соскакивает со стола на пол и начинает виться у ваших ног, а ее белые усы подрагивают – она выясняет, нет ли у вас для нее угощения. Феликс душу продаст за лакомства, и хотя встречает людей неприветливо, при правильном подходе любой незнакомец может завоевать ее расположение.

Но одними лакомствами сыт не будешь, приключения для Феликс – такая же необходимая часть рациона. Обычно она проводит дни на станции – дежурит в справочной, обходит платформы или помогает проверять билеты у турникетов, – но иногда отправляется далеко за территорию станции. Смотрите, вон она: пробежала мимо бронзовой статуи на площади Святого Георгия, приятельски взмахнув хвостом; обогнула цветущие клумбы на платформе номер 4; или нырнула в темноту железнодорожных туннелей куда-то по своим загадочным делам. Когда она идет через пути, у нее делается особенно самодовольный, нахальный вид. Так было не всегда, но за годы службы на железной дороге Феликс не только выросла, но и набралась смелости.

Хотя ей нравится руководить станцией – а эта кошка, без сомнений, и есть самый главный начальник, – она нередко засыпает прямо на рабочем месте. Дремлет, свернувшись на чьем-нибудь пиджаке в служебной раздевалке, она не реже, чем встречает пассажиров в зале. Так

что если вы заглянете в Хаддерсфилд перекинуться парой слов с самой знаменитой персоной на железной дороге, а ее не окажется на месте, не обижайтесь: она, скорее всего, спит – а потом пойдет ловить мышей, как того требуют обязанности старшего дератизатора.

А пока оставим Феликс за столом в справочной зорко обозревать владения глазами-изумрудами. Утреннее солнце отражается в ее глянцево-фиолетовом ошейнике; с ошейника свисает золотистый металлический кружок, на котором указано ее имя и адрес: «Феликс, платформа 1».

Это рассказ о жизни хаддерсфилдской станционной кошки.

Глава 1. Безумная затея

– Чего нам не хватает, – заявил однажды летним утром 2008 года Гарет Хоуп, – так это станционного кота.

Его коллега Энди Крoган громко рассмеялся. Эти двое приятелей заходили друг к другу поболтать почти каждый день после того, как схлынет утренний поток пассажиров и дежурство станет поспокойнее. В разговорах у них то и дело появлялись всякие дурацкие идеи, но такая – впервые. Станционный кот! Забавно, конечно, но никогда в жизни не осуществится.

Приятели знали, что раньше на Британской железной дороге существовала такая традиция – многие стрелочники держали кошек. Гарет поступил на службу относительно недавно, но старшие товарищи постоянно рассказывали ему, как в каждом депо жили кошки и ежемесячно получали жалованье. Однако, как видели Гарет и Энди, эта традиция ушла в прошлое вслед за неумолимой модернизацией железных дорог. Уинстона Черчилля однажды сфотографировали, когда он гладил кошку на лондонской станции Ливерпуль-стрит... Завести кота на Хаддерсфилд казалось таким же нереальным, как вернуть знаменитого премьер-министра.

Несмотря на то, что идея была фантастическая – а может, именно поэтому? – Гарет и Энди с удовольствием продолжали обсуждать станционного кота еще несколько месяцев, особенно в те смены, когда стрелки вокзальных часов, казалось, едва ползли и беседы обо всякой чепухе помогали скоротать время.

Гарет не собирался работать на железной дороге. В университете он изучал программирование, через два года решил, что терпеть его не может. Но нужно было как-то зарабатывать, поэтому в конце 2006 года он стал дежурным у турникетов на станции Хаддерсфилд, но там ему тоже скоро разонравилось. Когда он начал работать на станции, автоматических турникетов еще не было, и вокзал от безбилетников защищали только дежурные. Гарет был худощавым и добродушным, и слишком часто какой-нибудь хам толкал его или сбивал с ног. Он провел на этой должности чуть больше года, затем его перевели с линии фронта в дикторы, и теперь он сидел за стеклянным окошком в полной безопасности. И все-таки служба на железной дороге казалась ему временной – лишь бы продержаться, пока он не придумает, чему на самом деле хочет посвятить жизнь. Но пока он не слишком ломал над этим голову: ему ведь всего двадцать один год, и времени на размышления предостаточно.

А пока что работа на станции ему нравилась. Коллектив был по-семейному сплоченный, причем не только на хаддерсфилдском вокзале, но и по всей сети английских железных дорог. Такая уж это профессия – железнодорожники всегда готовы прийти друг другу на выручку. Однажды Гарет никак не мог уехать с юга Англии, но стоило показать служебный пропуск, и работники той станции, на которой он оказался, сделали все, чтобы помочь ему добраться домой. Из двадцати шести сотрудников Хаддерсфилда многие служили тут по двадцать лет и даже больше и успели стать друг другу ближе, чем иные братья и сестры. Тех, кто не набрал десяти лет стажа, вообще называли «молодежью».

«Молодежью» считались и Энди с Гаретом. Энди, дежурный управляющий, тоже двадцати с небольшим лет, служил на станции с 2006 года. Подвижный, длинноногий, энергичный, он всегда был готов на какие-нибудь проделки. Железнодорожники проводят на работе больше времени, чем дома, иногда и в ночную смену, ведь на станции круглосуточно кто-нибудь дежурит. Неудивительно, что между многими завязывается крепкая дружба. Энди и Гарет сразу поладили, а их любимым развлечением было делиться друг с другом безумными планами. Помимо предложения завести станционного кота, они, например, выдвинули идею, чтобы *TransPennine Express* («Транспеннинский экспресс», компания, которой принадлежит станция) наняла Мистера Ти из американского боевика «Команда А», чтобы он объявлял правила безопасности сержантским ревом: «Не заступай за желтую линию, придурок!» Кроме

того, Гарет предлагал заменить все лестницы на станции детскими горками и канатами, чтобы никто не спотыкался и не падал на ступеньках.

Начальник станции Пол, довольно консервативный администратор, успел привыкнуть, что дикие идеи сыплются от них градом. Это был молодой человек приятной наружности, немногословный, но с очень выразительными бровями. Когда Гарет предлагал очередную нелепицу, брови поднимались, и на лице Пола ясно читалось, что он не хочет это слушать, не принимает всерьез и не одобряет.

Всю осень 2008 года, коротая бесконечные дежурства за болтовней, Гарет и Энди возвращались к мысли о станционном коте, играли с ней, как кошка с искусственной мышкой, перебрасывались ею и выдумывали все более и более хитрые аргументы, почему кот на вокзале жизненно необходим. Гарету особенно нравилась идея, что кот будет успокаивать недовольных пассажиров.

– Всем станет лучше! Человек начал скандалить – выносишь ему кота, и он успокаивается, – с чувством говорил Гарет, который еще не забыл свои дежурства у турникетов. – И представляешь, как будет классно, когда кот начнет ходить повсюду с хозяйским видом, мешаться и путаться под ногами! Они это умеют.

Парни подзадоривали друг друга, словно маленькие дети.

– А ты спроси у Пола, – в шутку предлагал Энди.

И вот однажды, когда начальник проходил через дикторскую, где болтали эти двое безобразников, Гарет воспользовался шансом.

– Пол, а не завести ли нам станционного кота? – небрежно спросил он и заправил длинные, до плеч, русые волосы за уши, с некоторой тревогой ожидая, что тот ответит.

Ответа долго ждать не пришлось.

– Нет, это исключено, – категорически ответил Пол и даже не остановился.

Гарет разочарованно сел обратно в кресло. Но унывал он недолго и вскоре предложил покрыть все платформы вместо бетона резиновым покрытием, как на детских площадках, чтобы снизить травматизм. Он и сам спружинил, как на батуте, и снова устремился к цели. Если первоначальный план не сработал, значит, за кота нужно бороться более масштабно и привести в действие запасной план.

«Где наш станционный кот?» – гласил рукописный плакат на доске объявлений начальника станции. Пол, кисло улыбаясь, снял его и огляделся; по всему кабинету стены были украшены такими же плакатами – разумеется, это Гарет поработал. Пол скомкал плакат, выкинул в мусорную корзину и устало покачал головой.

А молодой диктор всерьез загорелся своей безумной идеей. Если Пол хотя бы неделю не следил за доской объявлений и отвлекался на более важные дела, к его возвращению все было увешано плакатами Гарета, агитацией за этого мифического кота, а его собственных официальных объявлений даже не было видно. На некоторых плакатах были кошки, безнадежно криво нарисованные от руки, на других в основном текст. Совсем недавно, летом того же 2009 года, Пол попросил сотрудников придумать меры, чтобы люди не спотыкались и не падали в зале – это была одна из проблем, которые больше всего тревожили его как начальника станции и с которой он очень хотел справиться. Гарет, как и следовало ожидать, выдал список предложений в своем неповторимом стиле.

– Раздать всем пассажирам пояса со страховочными тросами, – начинался его текст.

– Провести всюду травелаторы, чтобы им не нужно было ходить.

– Повесить над крыльцом плакат «Заходите на свой страх и риск» (добавить картинку с черепом и костями?).

– Постелить на пол ковер с шестидюймовым ворсом.

– В местах, где риск падения выше, разместить батуты, чтобы пассажиры тут же автоматически поднимались на ноги.

– Завести станционного кота...

Опять этот кот! Станционный кот, по словам Гарета, был решением всех проблем. В защиту Гарета надо сказать, что он собрал множество примеров кошек, отличившихся на службе: Стаббс больше десяти лет прослужил мэром области Талкитна на Аляске, знаменитая японская кошка Тама спасла захиревшую железнодорожную ветку и зарабатывала в год около миллиарда иен (почти десять с половиной миллионов долларов).

Нет, Гарет не унимался! Кот стал его навязчивой идеей. И более того, у него, к некоторой досаде Пола, появились сторонники.

Гарет поддерживал операцию «Станционный кот» не только самодельными плакатиками. Дикторская, где он работал, была, с его точки зрения, идеально расположена – во-первых, далеко от турникетов, а во-вторых, лучшее место, чтобы общаться со всеми на станции. Железнодорожники постоянно ходили через нее. Это была просторная, постоянно открытая комната, тут стоял ксерокс и другая техника, которой все пользовались, и через нее же был проход в кассы. Каждый за свою смену хоть раз, да заглядывал в дикторскую, где не прекращались разговоры. Там было очень уютно, не в последнюю очередь благодаря красновато-розовому ковру, который приглушал шаги людей, весь день ходивших туда-сюда.

Гарет все время подсаживался за стол к Энди и с энтузиазмом обсуждал с ним станционного кота, а другие сотрудники, проходя мимо, прислушивались и делились своим мнением. С тех пор, как Гарет впервые подал эту идею, прошел уже год, и за двенадцать месяцев весь коллектив станции уже слышал эти разговоры – и большинство их поддержало. Начали даже шутить: дескать, назначить кота дератизатором, чтобы он боролся с несуществующими станционными мышами. Но все знали, что на самом деле мыши ни при чем; кота хотели завести потому, что весело и приятно приходиться на работу, когда там ждет мохнатый сослуживец.

Даже бригадиры были не против. Они подчинялись Полу, но не всегда; многие из них проработали на станции не один десяток лет и накопили знания и опыт. Они даже прозвали начальника «Пупсик», потому что Пол был довольно молод, особенно по сравнению с ними.

Пожалуй, самым влиятельным из бригадиров была неподражаемая Энджи Хант. Дружелюбная, общительная чернокожая женщина с заразительным смехом и бездной обаяния, Энджи прослужила на станции больше двадцати лет, и за это время ее власть стала по-матерински незыблемой. Даже Пол убедился, как полезно заручиться поддержкой Энджи, поскольку железнодорожники уважали ее и прислушивались к ее словам. Когда она впервые подключилась к обсуждению идеи завести станционного кота, Гарет очень волновался. «Если она не одобрит, – с трепетом думал он, одновременно расписывая преимущества своей затеи, – то ничего не получится».

Но Энджи немного поразмышляла и просияла улыбкой. На такое Гарет даже не рассчитывал. «Когда Энджи захотела кота, нам все равно что дали зеленый свет, – вспоминал он. – Помню, я подумал, что вот теперь у нас появился шанс».

Впрочем, авторитетом пользовалась не одна Энджи. Бригадиров в Хаддерсфилде было шестеро, они работали посменно, и каждый в свое дежурство полностью отвечал за станцию и сотрудников. И в их числе был Билли, старый коллега Энджи. Он прослужил на железной дороге всю жизнь – сначала проводником, затем бригадиром. Ему шел шестой десяток, он считался мудрым старейшиной и было по-стариковски ворчлив. Энджи так давно с ним дружила, что в шутку прозвала его «мистер Брюзга». Невысокого роста, лысоватый, морщинистый, он утверждал, что на своем веку видел одни неприятности, и выражение лица имел соответствующее.

Билли славился прямолинейностью. Если он был с кем-то не согласен, то без обиняков заявлял, что его противник порет чушь, дураков называл дураками и ничьих чувств не щадил. Когда он узнал о планах завести на станции кошку, то даже не захотел слушать и сказал, что

это блажь. Начальник станции Пол, судя по всему, держался того же мнения. Как ни воодушевилась Энджи, сколько листовок ни вывешивал Гарет, начальник был по-прежнему неумолим.

Месяц шел за месяцем, идея все прочнее овладевала умами, и Гарет не сдавался: он попытался преподнести ее Полу в чисто деловом ключе. Зная, что начальник любит факты, цифры и схемы, Гарет не поленился свести все «за» и «против» станционного кота в таблицу:

Плюсы	Минусы
Пассажиры довольны	
Коллектив доволен	
Почтенная традиция	
Борьба с мышами	
В опросах пассажиров мы выйдем в лидеры по стране	
Хорошая реклама	

Минусов, естественно, не нашлось. Но эта таблица повторила судьбу плакатов. Прошел 2009 год, 2010-й сменился 2011-м, а мечты Гарета так и оставались мечтами – о коте и о новой работе, которую он собирался найти... когда-нибудь потом.

И вот весной 2011 года сотрудники, проходя через дикторскую, обронили занятную новость: говорят, что Пола собираются перевести на другую должность. Обязанности начальника станции придется исполнять кому-то другому – и у этого человека будет возможность запретить или одобрить идею станционного кота.

Когда Гарет узнал, кто стал временным начальником, он невольно заулыбался от уха до уха и побежал к своему давнему сообщнику Энди: тот и был назначен исполняющим обязанности. Энди улыбался так же широко, как Гарет.

– Дело в шляпе! – в восторге воскликнул диктор, сияя глазами от радости. – Это наш шанс! Заводим кота!

Глава 2. Мышь не проскочит

Энджи Хант поправила желтый светоотражающий жилет, всмотрелась в вереницу пассажиров, деловито проходящих через турникеты, и подавила зевок. Дело было в апреле, по утрам становилось уже не так темно и мрачно, но даже долгие годы службы не помогли ей просыпаться в четверть пятого утра. Энджи любила свою работу, но иногда чувствовала, что действует на автопилоте.

Впрочем, этим утром она разглядывала пассажиров с непривычным волнением и надеждой; в толпе она высматривала Белинду Грэм.

Белинда, одна из администраторов «Транспеннинского экспресса», работала в главном офисе компании, в Манчестере, но каждый день ездила туда через Хаддерсфилд. Это было удачно, потому что Энджи собиралась задать ей очень важный вопрос – насчет станционного кота. Энди Кроган, исполняющий обязанности начальника станции, наконец дал добро этой затее, и хаддерсфилдским сотрудникам оставалось только получить согласие главного начальства. А здесь, как знала Энджи, могли возникнуть сложности.

О том, чтобы не спрашивать разрешения и завести кота контрабандой, не могло быть и речи. Всем хотелось оформить его честно и официально. План начался с шутки, но сотрудники станции любили кошек, многие держали их дома, и все ответственно относились к своим обязанностям перед животными. Энджи, Гарет, Энди и остальные уже решили, что, если их надежды оправдаются и кота одобряют, о нем будут заботиться все сотрудники. Даже Билли согласился помогать и участвовать в общем деле, хоть и выразил это, по обыкновению, молчаливо.

Возможно, Билли не устоял перед напором и энтузиазмом своего приятеля Гарета. По мере того, как борьба за кота набирала обороты, он перешел в ряды сторонников этой идеи. Со временем эта мысль его даже увлекла, и он иногда посмеивался, когда Гарет начинал мечтать о коте – а улыбался Билли нечасто.

– Это ты верно говоришь, – соглашался он и углы его губ непривычно поднимались вверх, – я согласен. Станционный кот нам бы не помешал, – и он выходил на улицу выкурить свою любимую сигариллу.

Билли сам держал кошек, в том числе рыжую красотку по кличке Яффа. Железнодорожник до мозга костей, он жил с женой в одной из бывших станционных построек и, когда его кошки гуляли по путям, из-за них иногда задерживали поезда. Любовь к кошкам подружила его и с Гаретом – тот был счастливым хозяином Космо, черно-белого котика с необыкновенно пышным хвостом. Но домашнего кота Гарету было мало – и вот станционный тоже перестал быть недостижимой мечтой.

Но сначала Энджи предстояло совершить чудо. Энджи потрясающе ладила с людьми и была таким хорошим бригадиром отчасти потому, что отлично умела руководить, точно знала, к кому обращаться, а главное, как просить, чтобы просьба не осталась без внимания, а задания выполнялись. Именно Энджи предложила спросить разрешения у Белинды. Энджи была давно с ней знакома и знала, что Белинда не бросает слов на ветер – у нее был практичный характер, и она не ленилась добиваться перемен. Ее не останавливали трудности.

Энджи всматривалась в проходящих мимо людей, но Белинда ездилась несколько позже, и в ручейке пассажиров, проходящих через турникеты, не было видно ее знакомой светлой, коротко стриженной головы.

Энджи мысленно повторила свой текст и не могла удержаться от чуть виноватой улыбки. Железнодорожники решили не полагаться на волю случая, а заполучить кота любыми средствами. Поэтому разговор, который предстоял Энджи, в чем-то не уступал изобретательным плакатам, которые рисовал Гарет последние три года.

В зал хлынула следующая волна пассажиров, и вдруг Энджи заметила среди них миниатюрную фигурку Белинды.

– Белинда! – окликнула она ее и двинулась навстречу, привычно лавируя в густой толпе.

– Как дела, Энджи? – приветливо поздоровалась начальница.

– Слышали, что у нас произошло? – начала Энджи и понизила голос, словно из опасения, что ее услышат идущие мимо пассажиры.

Белинда встревоженно нахмурилась.

– Нет. Что такое? – спросила она и приготовилась услышать известие о какой-нибудь катастрофе. Если такой опытный бригадир, как Энджи, не справляется без помощи руководства, значит, дело серьезное.

– У нас в столовой мыши, представляете! – трагически прошептала Энджи и очень убедительно изобразила, как она потрясена и испугана воображаемым «нашествием грызунов». – Шарон, одна из наших девочек, говорит, что видела мышь!

Белинда сочувственно покачала головой. Чувства Энджи были ей понятны.

– Это же безобразие! – продолжала Энджи, переходя от изумления к возмущению так легко, что ей следовало бы присудить «Оскара». – Ведь мы там едим! – она перевела дыхание и сказала с нарочитой небрежностью: – Белинда, а нельзя ли нам завести кота?

Белинда секунду помолчала, спокойно обдумывая деловое предложение коллеги. Потом решительно кивнула:

– Да, думаю, тут можно что-нибудь придумать. Например, запишем расходы в статью «дератизация». Насколько я помню, в Уиндермире тоже есть кот, и мы оплачиваем ему корм. Не волнуйтесь, мы все организуем.

Энджи едва верила своим ушам. Железнодорожникам было хорошо известно, что прежняя государственная компания платила станционным котам символическое жалованье, но Энджи ни разу не слышала, чтобы после приватизации частные владельцы соглашались содержать кошек. Однако уиндермирский кот был далеко не единственным – по всей стране кошки служили на вокзалах, окруженные такой же любовью, как и в старые времена. Рассказывали, что на станции Манчестер Оксфорд-роуд их одно время было целых тринадцать, хотя за последние годы часть кошек раздали и осталось всего четверо: Попрыгунья, Том, Джерри и Мэнкс. В Камбрии, на северо-востоке Англии, в недавно отреставрированном вокзале «Киркби

Стивен-Ист» жили полосатая Зайка и ее черно-белый подрастающий помощник Квакер. И даже на юге станция Саутэнд Виктория приютила малютку Джоджо, а в Кенте на вокзале Тонбридж недавно повесили таблички в память двух кошек, Джилл и Луиса, которые прослужили там много лет, но, к сожалению, недавно умерли. Станционные коты явно не собирались уходить в прошлое, и теперь Хаддерсфилд был готов присоединиться к этой славной традиции.

Энджи весело помахала вслед удаляющейся Белинде, но старалась не показать слишком бурной радости оттого, что ее идею одобрили. Зато когда начальница скрылась из вида, а Энджи развернулась и направилась прямо в дикторскую, ее охватило воодушевление. К тому моменту, как она закрыла за собой дверь и повернулась к Гарету, который с нетерпением ждал новостей, Энджи едва сдерживалась.

– С ума сойти! – прошептала она радостно, но осторожно, потому что снаружи был час пик и ей не хотелось пугать пассажиров дикими воплями из дикторской. – С ума сойти, Гарет, нам разрешили! Нам разрешили кота!

Гарет открыл рот от изумления.

– Ты серьезно? – спросил он.

Энджи кивнула, не решаясь говорить вслух. Гарет радостно вскочил на ноги:

– Значит, у нас будет кот?

– Будет!

– У нас будет кот!

Волна восторга прокатилась по всей станции. Три года длилась эта борьба и наконец увенчалась победой. Все только и говорили что о коте.

Если на хаддерсфилдском вокзале когда-то и держали кошек, это было не один десяток лет назад. Последними животными в его истории стали Бесс, Долли и Томми, лошади-тяжеловозы для маневровых работ, которые растаскивали вагоны по запасным путям – на стоянку, либо для того, чтобы из них сцепили новые поезда. Но от лошадей отказались в 1952 году, и с этих пор никаких животных в штате не числилось. Только прожорливые голуби селились на железных балках под крышей из гофрированной жести, но эти точно были не в счет. И вот через шестьдесят лет сотрудники Хаддерсфилда исключительно по собственной инициативе преодолели все трудности и добились разрешения. Теперь можно было надеяться, что кот появится на станции в самом ближайшем будущем.

Каким же он окажется?

Глава 3. Рождение звезды

– Тс-с, – сказал Крис Бриско, который служил в «Транспеннинском экспрессе» контролером. – Слышишь?

Дело было на его половине дома в городе Роттерем ночью 17 мая 2011 года. Обычно в это время вокруг все тихо, но Криса и его жену Джоанну что-то разбудило. Вообще-то Крис представлял, что это может быть.

Они с Джоанной прислушались. Звук повторился: казалось, из сушильного шкафа для белья раздается робкий писк. Крис, сбросив одеяло, на цыпочках спустился по лестнице, растирая ладонями свое бородатое лицо, чтобы проснуться. Шкаф должен был быть закрыт, но он увидел, что дверца приоткрыта, и с каждым шагом все отчетливее слышал хор тоненьких голосков.

Крис осторожно открыл дверцу и заглянул внутрь. На дне шкафа, на лучших полотенцах из египетского хлопка, словно кинозвезда в рекламе духов, нежилась его черно-белая кошка Лекси одиннадцати месяцев от роду. Когда он шел спать, по дому бродила одна кошка; сейчас, присмотревшись к копошению вокруг счастливицы, он насчитал пять новорожденных котят.

У Лекси был прекрасный характер; она единственная из всех кошек на памяти Криса его облизывала, а во время беременности стала еще более ласковой. Вынашивая потомство, она не отходила от Криса даже на пять шагов. Стоило ему присесть, она забиралась к нему на колени, стоило лечь, укладывалась сверху, теплая и тяжелая. Он знал, что ей скоро рожать, поэтому достал специальную кошачью корзинку с мягкой подстилкой, положил туда одеяльце и поставил в тихом месте, где будет спокойно и удобно. Однако у Лекси оказались другие планы – ее выводок ползал на самых мягких и дорогих полотенцах, какие только бывают.

Крис опустился на корточки, поглядел на утомленную красавицу-кошку и на ее потомство. Сначала он разгреб котят и убедился, что Лекси в порядке, потом осмотрел каждого из новорожденных: не забиты ли пасть и носик, хорошо ли Лекси перекусила пуповину. Все было идеально, просто замечательно. Лекси не мешала ему, не шипела и не кусалась – да, бывают такие мирные кошки. Она только заботливо трогала носом каждого котенка, когда Крис клал его обратно.

Котят было пять: трое полосатых и два совершенно одинаковых – черных с белым. Эти двое были точь-в-точь похожи на Лекси, почти целиком черные, но с такими же белыми отметинами, как у нее – в белых манишках и с белыми лапками, словно они наступили в краску или надели белые лайковые перчатки. Вообще-то белые лапки были у всех пяти, тут очень ярко проявилось семейное сходство. Поскольку они только что родились, глаза у них еще не открылись. Они пищали и звали мать, и она никого из них не забывала.

Крис убедился, что все хорошо, осторожно прикрыл дверцу шкафа, и они с Джоанной оставили Лекси заниматься малышами.

Бриско не рассчитывали, что Лекси принесет котят. Кошек у них было две, Лекси и Гизмо. Обоих они подобрали в спальном районе возле Коллингвуда и принесли домой, надеясь, что те помогут им бороться с мышами. У Криса и Джоанны был огромный сад, они построили там вольер и завели кур и пару золотистых фазанов. Зерно для птиц вскоре привлекло мышей, а поскольку Бриско не хотели травить их ядом, они решили завести кошек.

Гизмо был великаном, вдвое крупнее Лекси, белый с черной спиной и головой, и с белой мордой. Мышей он не ловил, был самозабвенно ленив и глуп, как пробка; большой, добродушный, невозмутимый мохнатый кот.

Поскольку Бриско взяли эту пару с улицы, они не знали, сколько им лет. Кошек отнесли к ветеринару, чтобы сделать прививки, и узнать насчет стерилизации – не хотелось внезапно получить котят. Врач как раз осматривал Лекси. «Опоздали», – прямо сказал он.

И почти через шестьдесят дней на свет появилось пять очаровательных незапланированных котят. Крис объявил, что отдаст всех в хорошие руки, как только можно будет забрать их от матери. Джоанна Бриско тоже служила в «Транспеннинском экспрессе» в отделе сотрудником по работе с пассажирами, и они с Крисом постарались, чтобы о котятах узнала вся железная дорога. Их сын сказал, что возьмет одного полосатого, потом позвонила диспетчер из Манчестера и попросила двух других. Неясным оставалось только будущее черно-белой пары.

Им и на нынешнем месте было совсем неплохо. В следующие десять дней у котят открылись глазки. В этом возрасте они у всех голубые, так что сначала одна пара лазурных глазенок, потом еще и еще, впервые распахнулись навстречу миру. Но одна из черно-белых малышек – та, что отличалась от своего близнеца только более пушистым мехом, – не торопилась. Она начала видеть позже всех, но уж с этого момента ее было не остановить.

Крису и Джоанне казалось, что за один день корзинка слепых беспомощных существ превратилась в пятерку бойких, проказливых котят, которые всюду стремились набедокурить. Как они резвились! Котята гонялись друг за другом по комнатам, забирались на шторы, прятались в корзине с бельем, утаскивали носки, которые сушились на батареях, и расправлялись с ними, как с добычей. Ничего нельзя было оставить без присмотра, они тут же придумывали новую игру. Весь дом принадлежал им, и они хозяйничали в нем, носились, падали, скользили... Казалось, что в доме завелся пятиглавый пушистый дракон или орава бродячих циркачей.

Пятерка обожала мучить своего отца Гизмо. Тот был настолько невозмутимым, что позволял им делать с собой что угодно. Через полчаса, когда его терпение все-таки заканчивалось, он осторожно стряхивал их и тихо отправлялся по своим делам, но ни разу не обошелся с ними грубо.

У матери характер был совсем другой. Лекси позволяла котятам прыгать по ней и через нее (чудесная игра!), но когда она уставала, то раздавала детям оплеухи или хватала их за шкурку и объясняла: «Хватит! Угломонитесь!» Она их любила, но была очень строгой и приучала держаться в рамках. Учила она их и другим вещам. Лекси была очень чистоplotна и, когда пришло время, показала им, как пользоваться лотком, так что все пятеро освоили его идеально.

Постепенно Лекси перестала кормить котят молоком, и Бриско перевели их на сырой фарш с яйцом. Они не хотели покупать готовый корм для котят; раз те родились на полотенцах из настоящего египетского хлопка, значит, должны были питаться только самым лучшим, самым свежим фаршем, вручную перемешанным с сырыми яйцами. Пища чемпионов!

Один из полосатых котят – его назвали Спейдж, и позже он уехал к сыну Бриско, – горячо поддерживал такое мнение. Он рано заявил о себе и всегда успевал к миске раньше остальных. «Мелкий жадина» – так называли его хозяева. Братья и сестры жалобно пищали, но он решил, что будет первым, и никого не подпускал, пока не наестся.

Котята росли шумными, смелыми и общительными. Они мяукали, когда хотели обедать, а Спейдж их не пускал, но не замолкали и за игрой, а иногда визжали хором, тузя друг друга по-боксерски. А по ночам, после ужина, когда братцы и сестрицы, утомившиеся за день, крепко засыпали в плюшевой коричневой с белым корзинке, оттуда обязательно доносилось тихое, чуть слышное мурлыканье.

Не только Спейдж проявил себя – у каждого из остальных стал намечаться особый характер. Черно-белая парочка получила прозвище Хулиганы, потому что любимое развлечение у них было прицепляться Крису на брюки, словно два мохнатых значка на булавках. Он где-нибудь спокойно сидел, а котята подкрадывались так тихо и пристраивались так ловко, что Крис их даже не замечал. Потом он вставал, чтобы пойти на второй этаж, и тут ему в ноги впивалось десять, а то и все двадцать коготков: котята не желали отцепляться от штанин. При каждом движении когти раздирали ему кожу. «Это что за безобразия?!» – кричал Крис, когда его царапали, а один из черно-белых котят, нахально склонив головку набок, наслаждался воплями хозяина и катанием по воздуху на штанине. Они не оставляли ноги Крису в покое. Не прошло и нескольких недель, а он был исцарапан так, словно каждый день продирался через колючие кусты.

Крис стал с удвоенной энергией искать, куда бы пристроить Хулиганов. И вот железнодорожные знакомства пригодились: он узнал, что Энджи Хант ищет котенка, который мог бы стать стационарным котом в Хаддерсфилде.

Энджи и ее коллеги считали, что котенка надо брать маленьким. Нехорошо было бы оторвать взрослую кошку от привычной жизни в доме и отправить на работу, да еще на такую опасную, среди поездов, шума и вокзальной суеты. Через Хаддерсфилд каждый год проезжало примерно пять миллионов пассажиров, каждый час проходило пятнадцать поездов, эта станция была в первой сотне самых загруженных вокзалов. Старую кошку новым фокусам, которых требовала профессия, не выучишь, а вот котенок, выросший на станции, сам научился бы обязанностям стационарного кота.

Скоро Энджи и Крис встретились, чтобы обсудить котенка. Крис в то время часто бывал в Хаддерсфилде по делам, поэтому им было несложно назначить время, которое подходило бы обоим.

Энджи приветствовала его неизменной сияющей улыбкой.

– Мы решили сэкономить на крысином яде и проявить заботу об окружающей среде, – сказала она, весело блестя глазами, – и вместо этого завести котенка. За сколько вы своих продаете?

– Ни за сколько, даром, – тут же ответил Крис. Не в обиду котяткам, он очень хотел от них избавиться, когда думал про свои разодранные ноги. Отдать хотя бы одного из Хулиганов было бы просто замечательно. Вдобавок, поскольку на железной дороге все всех знают, он предвкушал некоторую славу, когда хаддерсфилдским стационарным котом станет именно его котенок. Его навсегда запомнили бы как почетного дедушку стационарного кота!

Но больше всего их с Джоанной радовало, что у котенка появится надежный и счастливый дом. Бриско не сомневались, что отдадут его в хорошие руки. Улыбка Энджи, когда Крис

согласился уступить ей одного из котят, говорила о том, что малыша, скорее всего, безнадежно избалуют.

– Нам лучше мальчика, – под конец разговора добавила Энджи, словно спохватившись. Все-таки ей и остальным сотрудникам не хотелось рисковать; то, что им разрешили взять станционного кота, казалось чудом. Никто не рассчитывал, что руководство согласится и на потомство, поэтому всем было спокойнее не брать на эту должность девочку.

Но Крис вообще-то не знал, какого пола его котят. И когда диспетчер, которая собиралась взять двух полосатых, зашла к нему домой взглянуть на своих будущих подопечных, он открыто признался в своем невежестве:

– Я не умею различать пол котят, – сказал он. – Вам придется разбираться самой.

Диспетчер нисколько не растерялась. Она подняла полосатых котят и сказала: «Это безусловно мальчик, а это – девочка». Назвать их она решила Перси и Макс. Потом она сунула руку в корзинку, взяла одного из черно-белых и перевернула кверху пузом. «Безусловно мальчик», – объявила она. Взяла его пушистого близнеца и проделала то же самое; как следует рассмотрев его мешала длинная шерсть, но она все равно вынесла вердикт: «Безусловно мальчик». Вид у нее был очень авторитетный.

Крис сообщил Энджи радостную новость: оба черно-белых котенка мальчики, можно выбирать любого. Для него тоже было приятное известие: Пэм, которая работала на станции Хаддерсфилд в билетной кассе, сказала, что оставшегося котенка согласна приютить ее мать, так что ему удалось сбыть с рук обоих.

Джоанна и Крис посмотрели на Хулиганов, которые шумно носились по дому. Оба они почти ничем не отличались друг от друга, кроме, разве что, того, что один был намного более мохнатым. Они заметили только одно различие. У котят, разумеется, была целая куча игрушек – что-то им дали, а что-то они сами уволокли. Еще у них был столб-когтеточка с мячом на веревочке, и все котята по очереди залезали на него и прыгали оттуда на мяч; была и дюжина мышек с пищалками. И с одной из этих мышей двойняшки вели себя по-разному. У этой модели игрушек сбоку шнурок, за который нужно потянуть, и мышь начнет быстро-быстро вибрировать и скользить по полу. Один из черно-белых котят панически ее боялся, зато второй был словно в своей стихии. Снова и снова он кидался на мышку, напрыгивал на нее, и – готово! добыча поймана. Прирожденный хищник.

– Кого из них лучше отдать на станцию, как ты думаешь? – размышляла вслух Джоанна, невысокая улыбчивая женщина со светлыми волосами и отличным чувством юмора. Но сейчас вопрос перед ней стоял довольно серьезный. Шутка ли, решать судьбу котят, которые, ни о чем не подозревая, резвятся и с обычным любопытством реагируют на всякую новую вещь, звук и запах. На улицу никого из пятерых ни разу не выпускали, потому что они еще не были привиты, но им и в доме хватало впечатлений. А сколько непривычного ждет станционного кота: заманчиво раскинувшиеся рельсы, стук поездов, многочасовые прогулки по платформам холодными ночами...

Джоанна решила, что это больше подходит тому, кто более пушист. Даже в столь юном возрасте было видно, что котенок пошел в отца, Гизмо, который весь состоял из меха и поэтому казался огромным. Уж конечно станционному коту не помешает хорошая, толстая меховая шуба! У второго котенка мех был короче, а сам он мельче.

Крис описал обоим Энджи.

– Один здоровенный и мохнатый, весь в отца, – сказал он.

– Его-то мы и возьмем, – решительно ответила она.

Энджи хотелось, чтобы ее кот был самым пушистым; а этот маленький котенок и правда представлял собой комочек пуха и весь помещался на мужской ладони. Крис послал ей несколько фотографий котят, и железнодорожники поняли, что их мечта близка к осуществлению.

Энджи, сияя улыбкой, обошла всех, показывая фотографии.

– Знакомься, вот наш котик, – сказала она Гарету с такой же гордостью, с какой молодые матери хвастаются портретами новорожденных.

Гарет просиял в ответ:

– А ведь мы своего добились! Разве мы не герои?

Но станционному коту было еще рано приезжать – как минимум до восьми недель он должен был оставаться с матерью. Но сотрудники все равно начали готовиться к встрече с малышом. Для него купили мягкие одеяльца-подстилки и белую пластмассовую миску с отделениями для корма и воды. На станции только и говорили что о будущем пополнении штата, и, судя по радостным лицам, никого в коллективе еще не ждал настолько теплый прием.

Однако не все были в восторге от этой перспективы. Несколько человек даже подняли шум и потребовали все отменить, потому что у них ужасная аллергия на кошек. Однако за те три года, что Гарет боролся за кота, от них ни звука не было слышно про аллергию, поэтому он отнесся к ним скептически.

Зато Крис Бриско мечтал о той минуте, когда Хулиганы покинут его дом. Каждый вечер они с Джоанной пересчитывали котят, потому что те только и делали, что играли в прятки и норовили забраться, куда не следует.

– Так, сколько у тебя? – спрашивал Крис с полосатым котенком в руках.

Джоанна обходила гостиную, внимательно оглядываясь, и восклицала:

– Один сидит сбоку от камина!

Котят относили к Лекси в уютную коричневую с белым корзинку, но пока искали троих оставшихся, первые двое успевали снова куда-то подеваться. Одиннадцатилетнюю дочку Криса тоже это утомляло, но она заранее расстраивалась, что ее новых друзей так скоро заберут. Люси Бриско души не чаяла в котятках. Вместе с внучкой Бриско, шестилетней Элли, они активно приучали котят не бояться людей, все время брали их на руки и тискали; Джоанна и Крис, сказать по правде, от них не отставали. За восемь недель, когда формируется характер, все пятеро малышей получили одинаково много любви, внимания и игр. В семействе Бриско чувствовали, что без них, пожалуй, даже будет грустно.

И вот наступил день разлуки. Во вторник 12 июля 2011 года котяткам исполнилось восемь недель, и пришла пора расставаться с братьями и сестрами и разъезжаться в новые семьи.

Первым уехал Спейдж – к сыну Бриско в Шеффилд. Через несколько дней Макс и Перси отправились начинать новую жизнь в Манчестере. Остались только двое черно-белых, пока безымянных. Обоих в четверг 14 июля ждали на станции Хаддерсфилд. В восемь недель и два дня от роду Хулиганам предстояло незабываемое путешествие.

Глава 4. Добро пожаловать в Хаддерсфилд

– Залезайте, – сказал Крис Бриско Хулиганам.

Двое котят в ответ только смотрели на него, новая игра была им непонятна. Тогда он взял обоих в руки и посадил в серую пластмассовую переноску, чтобы доставить на вокзал. Они настороженно обнюхали переноску, а потом начали мяукать и жаловаться, что здесь все непривычно: пластмассовый потолок над головой, а в передней стенке – затянутая сеткой дверца, которую Крис крепко запер.

Когда дверца захлопнулась, котята запищали еще громче, но мать не ответила на их печальные крики. Незадолго перед тем Лекси попросилась наружу, в просторный сад, и сейчас гуляла сама по себе. Крис решил, что она устала от потомства и хочет снова пожить без забот. Трех других котят уже отдали; вечером, когда Бриско вернулись в Ротерем и выпустили Лекси обратно в дом, она просто понюхала корзинку, в которой растила свой выводок, поняла, что котят не осталось, и стала жить как раньше, не проявляя никаких признаков горя.

А вот котята пока что воспринимали разлуку очень тяжело. Когда Крис взял переноску и вместе с Джоанной вышел из дома, оба малыша забились в дальний угол. Они испуганно прижались друг к другу, а Джоанна и Крис зашагали к ближайшей станции, чтобы по Пеннстенской ветке доехать до Хаддерсфилда.

В глубине переноски, у ее задней стенки, котята сидели рядышком, наострив уши. И прислушивались так, как никогда прежде. Весь их мир вдруг наполнился громкими и странными звуками: хлопали дверцы машин, верещали птицы, раздавался электронный писк турникетов. Сквозь сетку плыли непривычные запахи – земли, воздуха, растений, животных, людей, – а новые картины, залитые слепящим июльским солнцем, почти что обжигали глаза. Хулиганы были потрясены. Они присмирели, затихли и едва решались дышать, когда Бриско внесли их в вагон и поезд тронулся с мощным ревом: откуда этот невероятный шум?!

За время дороги котята начали привыкать к плавному покачиванию вагона и размеренным звукам и понемногу снова осмелели. В доме у Бриско они соревновались, кто выше залезет на штору, а теперь, точно так же подзадоривая друг друга, подобрались к дверце, отважно

выглянули и прижались к сетке носиками, возбужденно дрожа и пытаясь расшифровать путаницу запахов, достигающих их маленьких ноздрей.

На полпути к Хаддерсфилду Крис и Джоанна решили проверить, как себя чувствует ценный груз. Но стоило им обнаружить котят у дверцы, как те испугались и снова забились обратно. Всю поездку они вели себя очень смирно, поэтому Крис и Джоанна не стали их тормошить. Шумную, бойкую парочку, которая всюду устраивала возню, было просто не узнать! Первый выход из дома ошеломил котят.

Примерно через полчаса поезд, визжа тормозами, остановился на станции Хаддерсфилд. Станционный кот, хоть он этого еще не знал, прибыл домой.

Он был не очень счастлив приезде. Обоих котят напугал пронзительный звук тормозов, а потом писк открывающихся дверей. Они снова начали жаловаться, мяукать, словно кричали хором: «Мама, где ты? Мне без тебя страшно! Мне холодно и хочется есть. Куда это я попал?» Но вот Крис взял переноску, они с Джоанной вышли из поезда, и котята разом притихли. Они почувствовали, как переноска закачалась, и с тревогой осознали: что-то происходит.

За стенами вагона было еще больше шума. На самом деле в зале было довольно тихо – середина утра, час пик давно прошел, но котята, впервые попавшие в незнакомый мир, чувствовали себя, словно на другой планете. Даже воздух был другой, более свежий и холодный, чем дома, но больше всего их изумляли громкие звуки и непривычные запахи. Вокруг звучали объявления об отправлении поездов; каждому удару маленьких кошачьих сердечек вторил топот бегущих ног. Хулиганы раскачивались в просторной переноске и ползали из угла в угол, а Крис размеренным шагом шел на платформу.

Криса и Джоанну провели в дикторскую, где столько раз обсуждали появление станционного кота, и плотно закрыли дверь. Стало относительно тихо. Переноску поставили на стол, и дежурная бригада собралась вокруг, перешептываясь и вытягивая шеи, чтобы познакомиться со станционным котом.

Крис и Джоанна открыли переноску и вынули каждый по черно-белому котенку. Котята стали вырываться. К рукам они привыкли, потому что дома у Бриско с ними играли дочь и внучка Криса, но сейчас, на новом месте, им было не до игр.

– Ай! – воскликнул Крис; котенок, которого он держал, взмахнул лапкой и оставил у него на руке царапины, как от колючих веток. – Тише, тише, – успокоил он котенка. – Не бойся, никто тебя не тронет.

Была при торжественной встрече и кассир Пэм, мать которой согласилась взять короткошерстого котенка. Пэм позвонила ей и сказала: «Приезжай, мам, их доставили».

Их доставили. Блестя глазами, котята осторожно выглянули из рук четы Бриско и стали осматривать комнату. Ничего подобного им раньше не встречалось: светились экраны компьютеров, на них обновлялось расписание, когда на станцию приходили новые поезда; шипели и пощелкивали микрофоны; и все вокруг приглашало залезть и поваляться – столы, шкафы с отделениями, корзинки для документов и стопки бумаг.

Железнодорожники ворковали и умилялись. Крис всегда знал, что им можно доверить котенка, и действительно, к прибытию малыша подготовились даже слишком хорошо.

Джоанна и Крис с вертлявыми котятами в руках улыбнулись друг другу: пора отдавать их, отпускать навстречу светлому будущему.

– Станционным котом мы выбрали вот этого, – объявил Крис и кивнул на черно-белый пуховый комок в горстях у Джоанны. – Пэм, а вот этот достанется тебе.

Он протянул рыжеволосой Пэм котенка с шерстью покороче. Через несколько минут ее мать приехала и увезла его на машине. Котенка назвали Лютером, он вырос крупным элегантным котом, не мохнатым, а гладким. Он жил у родителей Пэм вместе с еще одной кошкой по кличке Мо в доме у реки, среди изобилия мышей и прочей дичи, стал самостоятельным и

больше никогда не встречал второго Хулигана, с которым когда-то провел столько счастливых часов за играми.

Теперь все взгляды были прикованы к станционному коту. Джоанна нежно погладила его по черной мягкой шерстке, а он озирался, рассматривая пока еще голубыми глазами новых родственников. Все умилялись тому, какой он маленький, какие у него белые носочки, какой крошечный носик и огромные белые усищи во всю мордочку. Усы дрожали – котенок шевелил ноздрями, принюхиваясь к запахам ксерокса, духов и принесенных из дома бутербродов с тунцом... Тут он на секунду замер, словно отметил про себя: «А вот еда. Довольно вкусно пахнет».

Его растопыренные уши вбирали шквал голосов. «Какой красавчик! – хором твердили коллеги. – Он просто бесподобный!» Их восклицания обрушивались на котенка сплошным потоком шума, от которого ему в эти минуты было неуютно, словно его облили ледяной водой.

Джоанна наклонилась и бережно посадила малыша на ковер.

– Ты будешь тут жить, – сказала она.

Котенка будто ветром сдуло. Он спасся бегством и спрятался под компьютерным столом, чтобы, сидя там, разобраться в непонятной обстановке.

Люди в комнате снисходительно засмеялись. Они знали, что еще успеют подружиться и показать новичку рабочее место. Бриско с чувством выполненного долга защелкнули переноску и собрались домой. Но прежде чем уйти, Крис нагнулся и посмотрел в глаза черно-белому котенку, который как раз поудобнее устраивался под столом. Крис знал, кем тот станет: теперь это был дератизатор станции Хаддерсфилд, служащий «Транспеннинского экспресса», а значит, его коллега.

Крис улыбнулся.

– Счастливо оставаться! – весело сказал он котенку. – В понедельник увидимся на работе.

Глава 5. Первый день на службе

Гарет Хоуп тихонько открыл дверь дикторской и пробрался внутрь. Дикторы не работали в ночную смену, поэтому напарника у него не было – он один бледной тенью проник в комнату около шести утра. Длинные волосы скользнули по его щекам, он обернулся и его глазам представилось прекрасное зрелище, иначе и не скажешь.

На знакомом красновато-розовом ковре копошился крошечный черно-белый комочек, совсем малюсенький, но живой! Он шевелился! Котенок расхаживал по комнате. Он провёл на станции меньше суток, явно еще не привык и продолжал осваиваться. Даже белая пластмассовая миска для еды рядом с ним казалась громадной.

Гарет едва верил своим глазам.

– Привет, станционный кот! – прошептал он и долго стоял на пороге, разглядывая котенка. Он так долго агитировал, пылал энтузиазмом и вдохновенно убеждал людей – и вот один из его планов осуществился на самом деле. Котенок был у него перед глазами, как живое доказательство, что Гарет при желании вполне способен добиться своего, несмотря на приступы сомнений.

Гарет нагнулся, чтобы поздороваться, и котенок, любопытный, хотя еще слегка оробевший, подбежал, чтобы осторожно его обнюхать. Гарет подставил ладонь черному бархатному носу, а потом решительно запустил пальцы в черный мех на спинке и дружески его погладил.

– Ну, здравствуй, котик! Я Гарет, – весело сказал он. – Сколько же лет я тебя ждал!

Окошко дикторской выходило на платформу номер 1, и Гарет, даже сидя на корточках на ковре возле котенка, видел, что там уже начали появляться утренние пассажиры. Скоро на станцию прибудут утренние поезда в Манчестер, Лидс и Йорк, и Гарету нужно быть наготове и объявлять об их прибытии. Но расставаться с новым приятелем он пока не хотел, так что взял его в руки и посадил на рабочий стол.

На столе была клавиатура, четыре экрана с прибывающими поездами и изображениями с камер видеонаблюдения, а еще всякие офисные предметы – компьютерная мышь, несколько ручек, блокнот и телефон. Пока Гарет устраивался в кресле, котенок побродил по столу, а затем

свернулся клубочком прямо на клавиатуре, задом на клавишах, а носом на столе, и крепко заснул.

Гарет тихонько засмеялся. Именно так он себе все и представлял. Котенок всего восьми недель от роду, не пробыв на станции и дня, уже начал вести себя по-хозяйски. Потревожить его было немыслимо, так что в первый для кота утренний час пик Гарет старался не будить его (да и вообще, надо сказать, старался не работать). Если к окошку подходили за справкой, он бережно брал котенка в руки (тот как раз помещался у него на ладони) и подходил к пассажиру, чтобы ни на миг не выпустить малыша из вида.

Первые пассажиры, которые его увидели, были немного удивлены, что железнодорожник подходит к окошку со спящим котенком, но Гарет едва это замечал. Все его внимание было занято станционным котом, и большую часть дежурства Гарет держал его в руках или смотрел, как тот опять укладывается в любимую позу и обнимает одной лапкой клавиатуру компьютера. Если пушистый комочек дрожал, Гарет шел за одеяльцем и его укутывал, а потом снова часами наблюдал, как тот вздыхает во сне, шевелит усиками и подергивает хвостом.

За этим занятием его нашла Энджи Хант, когда заступила на дежурство. Котенок покорила ее с первого взгляда. Она влюбилась в малыша всем сердцем и, по своим собственным словам, «в тот день работала кое-как, все остальное вылетело из головы».

Гарет и Энджи не могли наглядеться на котенка. Таких восхитительно пушистых им, пожалуй, не встречалось. Шубка у него была совершенно черная, но манишка, лапки и животик – белые, как снег. Животик был белым почти целиком, только чуть ниже сердца они нашли черное пятнышко. Кисточки белого меха росли внутри острых ушей, и самый-самый кончик хвоста был тронут серебром. Котенок был такой крохотный, что даже когда сворачивался на клавиатуре, Гарет ухитрялся печатать, не прогоняя его: он был длиной только от буквы «V» до клавиши ввода.

Энджи выросла с кошками, но своих у нее не было последние двадцать пять лет, а теперь к ней словно вернулось упущенное счастье. Заботиться об этом чудесном малыше казалось ей восхитительным.

– Подумать только, он теперь наш! – шепотом сказала она Гарету. – Я представить не могла, что нам правда удастся его завести.

Котенок дремал, а Энджи и Гарет, похлопотав над ним, оглядели дикторскую. Зная, что кое-кто в коллективе настроен против кота, они решили не давать повода для упреков. Поэтому пол они застелили газетой – и правильно сделали, оказалось, что котенок ест и пьет неаккуратно. Он еще не привык к новой миске, так что вода и кусочки корма разлетались во все стороны. Зато он исправно пользовался лотком, как научила его мама Лекси, и здесь происшествий почти не случалось. В лотке или в других местах за ним мгновенно убирали, чтобы самым придиричивым коллегам было не на что пожаловаться.

Большую часть смены Гарета котенок проспал, но ненадолго проснулся, посмотрел на нового друга, моргая младенческими голубыми глазами, и Гарет под его долгим взглядом решил, что жизнь в новом доме слишком переменчива, люди приходят и уходят, а нужен кто-то надежный, тот, кто всегда будет рядом. Он оставил Энджи любоваться котенком, а сам пошел в бюро находок.

– Здравствуй, Гарет, – весело воскликнула женщина, которая там работала. Это была Анжела Данн, веселая, здравомыслящая и добрая, с короткими светлыми волосами.

Гарет украдкой оглядел полки у нее за спиной. Там сиротливо скопились забытые зонтики и сумки, потерянные куртки, кофты и много всякой всячины. Но самыми грустными в бюро находок казались забытые игрушки. Они угрюмо сидели на полках, тарача тусклые глазбусинки, их шерстяные тела были потертыми и затисканными, им не суждено было вернуться в объятия хозяев, которые уже давно выросли. Здесь были кролики, мишки из меха и фетра, куклы, утята, динозавры. Анжела держала их в бюро, сколько могла, надеясь, что поможет

ребенку снова встретиться с любимой игрушкой, но обычно проходили месяцы, а то и годы, и на полках не оставалось места. Тогда Анжела, грустно вздохнув, собирала то, что пролежало тут дольше всего, и отдавала на благотворительность в надежде, что игрушки попадут в новые любящие руки.

– Я тут подумал, – сказал Гарет и с надеждой посмотрел на Анжелу, – не найдется ли тут плюшевой игрушки для кота?

Анжела тепло ему улыбнулась. Она очень хорошо относилась к кошкам и успела влюбиться в станционный пуховый комочек.

– Дай подумать, – ответила она. – Что-нибудь обязательно отыщем.

На полке, где хранились самые старые игрушки, они с Гаретом нашли светло-бурого плюшевого медведя. Котенок был так мал, что медведь оказался едва ли не больше него, но скоро размер станет подходящим, ведь котенок будет расти. Медведь был из ткани с начесом, легкий, мягкий, мог сидеть, не падая, его удобно было жевать и обнимать. Гарет поблагодарил Анжелу за помощь и понес медведя знакомиться с новым лучшим другом.

Котенок некоторое время недоуменно рассматривал его, обнюхал и лизнул розовым шершавым языком. А потом свернулся рядом с медведем и задремал, положив ему морду на плечо, совершенно счастливый, как будто к нему прижимается Лютер, Спейдж, Макс или Перси, братья и сестры, вместе с которыми он прожил первые восемь недель.

– Ну вот, – сказал Гарет, – так-то лучше, правда?

Через несколько часов на ночную смену заступил заместитель начальника станции Энди Кроган. У двери в дикторскую он остановился, даже не представляя, что его ждет внутри. Он уезжал на несколько дней, и объявление на двери казалось совершенно непонятным: «Открывать осторожно».

– В чем дело? – растерянно подумал Энди. – Зачем это мне быть осторожным?

А потом он приоткрыл дверь и увидел за чем. Дело было ночью, так что котенок проснулся и был готов резвиться. Перед Энди промелькнуло что-то маленькое и черное вдогонку за бумажкой, которую бросил Гарет. Котенок носился туда-сюда, как заведенный, путался в собственных лапах и даже кувыркался через голову, совсем как раньше, в доме у Бриско. Он промчался по комнате, спрятался под стол, тоненько пискнув, и оттуда с безопасного расстояния стал рассматривать вошедшего.

– Боже мой! – подумал Энди. – Кот! У нас появился кот!

Он внимательнее пригляделся к пушистому комочку, но увидел только огромные глаза и торчащие над черным мехом огромные уши на вырост – для котенка велики, а взрослому коту как раз впору. Энди, не веря своим глазам, покачал головой, а из дикторского кресла донеслось хихиканье.

Гарет сидел и сконфуженно посмеивался. Радость было трудно спрятать. Энди невольно улыбнулся коллеге и давнему сообщнику.

– Мы победили! – воскликнул Гарет, вскочил с кресла и протянул Энди ладонь в победном жесте. – Сколько было безумных планов, и вот один таки сработал!

Энди, несколько смущаясь с непривычки, хлопнул по протянутой ладони и перестал сдерживать улыбку. Гарет был прав, план сработал.

Только одно мешало полному счастью. Котенка привезли, начальство согласилось, казалось бы, все идеально – но Гарет не мог забыть, сколько раз Пол, предыдущий начальник станции, отвечал «нет» на самые настойчивые просьбы о коте. Хотя Энди в качестве руководителя одобрил кота, Хаддерсфилд оставался станцией Пола, его перевели на другую работу временно, а не отправили на пенсию. Гарет не без содрогания думал о том, что он вернется примерно через неделю; Энди уйдет с высокого поста, а у власти снова окажется Пол.

Да, станционный кот появился, вот он – Гарет его гладил, носил на руках и смеялся его забавным проделкам. Но к смеху примешивалась тревога; мысль, не идущая из головы, начала

пугать Гарета все больше. Он воображал, как Пол приходит на вокзал, направляется к служебным помещениям, открывает дверь и видит, как на клавиатуре спит котик.

Что, если начальник, едва посмотрев на котенка, скажет: «Уберите»?

Глава 6. Что в имени?

На второй день после появления на станции кота Энджи вошла в дикторскую танцующей походкой. Проснуться в четверть пятого в тот день отчего-то не составило ни малейшего труда – Энджи вскочила с кровати с мыслью, что, придя на работу, увидит своего котика. Чудесным образом ей больше не трудно было вставать так рано. Собираться на работу доставляло ничем не омраченную радость.

– Привет, красавчик! – воскликнула Энджи Хант, входя в дикторскую.

Билли, чья смена заканчивалась и которого она сменяла, кисло на нее посмотрел.

– С добрым утром, миссис Ха, – сухо ответил он.

Она весело отмахнулась, понимая, что он шутит:

– Это я не тебе, мистер Брюзга, а моему котеночку.

Котеночек, о котором шла речь, внимательно следил за разговором с высоты, которую недавно облюбовал: с верхней полки стеллажа для бумаг. Там лежали стопки документов, металлические края лотка выгибались вверх, словно гамак, и котенку было очень удобно, если хотелось вздремнуть или понаблюдать за окружающим миром.

Мир этот на ближайшее будущее ограничивался стенами дикторской. Котятам не делают прививки, пока им не исполнится девять недель, а большинство прививок надо повторять дважды – в девять недель и в двенадцать, так что до этого времени их на всякий случай лучше не выпускать на улицу. А учитывая, где жил наш герой, его было приятнее и безопаснее приучать к железнодорожной жизни постепенно. Иногда через окно доносился приглушенный гул двигателей локомотивов или скрип тормозов, но в целом по сравнению с остальным вокзалом в бригадирской было намного тише и уютнее – разве что из-за желающих посмотреть на кота здесь временами случалась совершенно вокзальная толкотня.

– Ну, как он, не безобразничал? – спросила Энджи у Билли, который собирался домой.

Тот угрюмо обернулся с порога, руки в карманах, и желчно переспросил:

– Не безобразничал? Еще как безобразничал. Ты посмотри, где он расселся! На моих рабочих бумагах! И всю ночь не слезал.

Сердито бурча под нос, Билли приоткрыл дверь и вышел. Энджи не могла не отметить, что он был очень осторожен и следил, чтобы котенок не выскочил наружу; дверью, впрочем, за собой он обиженно хлопнул.

– Ты что, нарочно злишь мистера Брюзгу? – спросила она у котенка.

Котенок наклонил черную головку набок и нахально высунул розовый язычок, словно отвечая: «Да, нарочно!»

Энджи приготовилась к работе и взяла его на руки, чтобы приласкать, а еще, чтобы достать из-под него нужный документ. «Ох уж этот Билли», – мысленно усмехнулась она. Ныл он виртуозно, этого не отнимешь, однако от Энджи не скрылось главное: хоть он и ворчал, но не прогнал котенка с насиженного места, не стал его тревожить. Билли выглядел суровым и держался грубовато, но в глубине души был сентиментален, хоть и не хотел бы от нее это услышать.

Билли котенка жалел, но затем пришел Мартин, второй хаддерсфилдский диктор, и Энджи обнаружила, что на некоторых кошачье обаяние действует слабее. Мартин сел за стол, поправил на носу очки с толстыми стеклами, посмотрел на клавиатуру и увидел, что там разлегся котенок – такую он теперь завел привычку. Мартин покачал головой: это его не устраивало. Он откашлялся и смущенно обратился к котенку:

– Тебе нельзя тут лежать. Ну-ка, слезай.

Котенок не сдвинулся ни на дюйм. Мартин протянул руку, нерешительно взял его, поднял и пересадил на ковер. Тот с недоумением уставился на него снизу блестящими глазами.

– Все, убирайся! – сказал Мартин. – Мне надо работать.

Но котенок продолжал смотреть, словно на свете не было ничего увлекательнее этого зрелища. Только когда Мартин на него шикнул, он решил, что это новая игра, отбежал прочь и стал очертя голову носиться по комнате. Он всюду находил новые игры.

А уж возможностей развлечься хватало. Чем больше котенок осваивался, тем смелее становился. Мебель была гимнастическим снарядом, чтобы на нее запрыгивать: в три прыжка он взлетал с пола на мягкое сиденье офисного стула, оттуда на узкий подлокотник, вытягивался там, изображая стойку на перекладине, и торжественно приземлялся на стол, как на батут; по столу было удобно скользить, кататься и плясать рок-н-ролл; ксерокс возвышался над котенком, как небоскреб, и тот играл под ним в прятки.

В товарищах по играм у него тоже не было недостатка. С ним скоро познакомился весь персонал станции Хаддерсфилд – двадцать шесть человек, не считая работников других железнодорожных компаний, чьи поезда тоже отправлялись с этого вокзала. Всем хотелось поиграть со станционным котом.

Неудивительно, что иногда котенок уставал от общения. В начале знакомства с каждым новым коллегой он вел себя робко и застенчиво. Зато потом начал отдавать некоторым людям предпочтение – например, кассиру Джин Рэндалл. Та считала, что поскольку домашних животных выбирают хозяева, а не наоборот, долг человека сделать жизнь своих питомцев как можно лучше. Ее черные кудри выглядели почти так же, как пышный мех котенка. Скоро приласкаться к Джин стало одной из его главных радостей; но дверь в кассу, где она работала, полагалось держать запертой из соображений безопасности, не делая исключения даже для самых законопослушных котят, так что ей удавалось погладить его лишь до или после смены или урвать пять минут в обеденный перерыв.

Гораздо больше времени котенок проводил с Гаретом, у которого мог проспаться на коленях всю смену, и с бригадирами – их он и стал считать самыми близкими и родными. С бурым медведем котенок тоже не расставался. С такой большой игрушкой было непросто сладить, но он нежно хватал его зубами за плюшевую лапу и везде таскал за собой.

Котенок осваивался без проблем, и следующей важной задачей стало придумать ему имя. Гарет снова сел за свой закаленный в боях компьютер и изготовил новый плакат про кота – такой, о котором раньше и не мечтал:

Хаддерсфилдский станционный кот!

Не упустите шанс дать имя нашему новому работнику!

Стоимость участия – всего 50 пенсов!

Записывайте ваши предложения!

Имя будем вытягивать из шляпы во вторник 19 июля.

– Нельзя же всю жизнь называть его просто «котик», – заметила Энджи.

Лотерея стала большим событием на вокзале. Пассажиры не приглашали, зато среди железнодорожников кинули клич, чтобы привлечь коллег со всех концов страны. Взносы было решено перечислить в фонд помощи детям, а значит, чем больше участников, тем больше котенок заработает на доброе дело. Записались почти все, а Белинда Грэм даже взяла несколько заявок на участие в Манчестер, в Бриджуотер-хаус – штаб-квартиру «Транспеннинского экспресса», чтобы сотрудники офиса тоже поучаствовали в судьбе станционного кота.

Имена, разумеется, придумывали мужские. Пол котенка к этому времени пытался определить не только манчестерский диспетчер, в чьем доме поселились Макс и Перси. Несколько сотрудников беззастенчиво заглядывали малышу между задними лапами, пытаясь раздвинуть его густые меховые штаны, и глубокомысленно кивали, приговаривая: «Безусловно мальчик».

Гарет остался верен себе и предложил совершенно безумные варианты: «Мистер Ти» из «Команды А» и «Дэвид Хассельхофф» в честь звезды «Спасателей Малибу». У других идеи были попроще – «Белолапик», «Кит» в честь комика Кита Лемона. Дейв Руни. Один из бригадиров, с которым котенок особенно сдружился, дал волю фантазии и придумал имя «Алоизий».

– Алоизий? – возмутилась Энджи. – Ничего себе имечко! – она сердито посмотрела на Дейва. – Надеюсь, его не выберут!

Но здесь ничего не зависело ни от Энджи, ни от кого в «Транспеннинском экспрессе». Решено было положиться на волю случая, а чтобы жеребьевка прошла честно, вести ее пригласили незаинтересованное лицо: Джона, бригадира машинистов из другой компании. Какое имя он вытянет, то и останется, результат обсуждению не подлежит.

Ажиотаж был немалым. Вторник 19 июля приближался, и картонная коробка заполнялась. Каждое имя записывали на листочке, участник платил пятьдесят пенсов, и бумажку кидали в коробку. За коробкой внимательно следили, чтобы никто не жульничал – хотя Энджи и мечтала, как хорошо было бы выкинуть часть имен, например, идею какого-то поклонника черного юмора: «Лепешка». Железнодорожному коту предстоит ходить по рельсам, разве можно называть его Лепешкой?!

Джин предложила «Фрафти» – так звали кота, вместе с которым росли ее дети, его обожала вся семья, а станционный котенок был похож на него как две капли воды. Но точнее всех, пожалуй, угадал Терри, дежурный у шлагбаумов. Ему хватило всего четырех букв. На его бумажке было написано: «Босс».

Рейчел Стоктон, проводница, одно время состоявшая в Обществе защиты животных, очень любила один мультик про кота. Впервые увидев станционного котенка, она сказала себе: «Да это же вылитый Феликс». Листок с этим именем она и опустила в судьбоносную картонную коробку.

Жребий тянули примерно в десять утра во вторник 19 июля 2011 года. Энджи присутствовала, но не подходила к коробке, чтобы никто не усомнился в честности организаторов. Джон взял коробку, еще один помощник стоял рядом; все было обставлено как лотерейный

розыгрыш с независимым жюри. Котенок ни о чем не подозревал и бродил по комнате, не догадываясь, что высокий, лысеющий седой человек сейчас выберет из сотни вариантов его имя.

Джон был по натуре прямым, честным и не любил ходить вокруг да около. Он привык каждый день общаться с упрямыми машинистами, и с первого взгляда было видно, что с ним шутки плохи. Оспаривать результат жребия никто бы точно не решился.

Он засунул руку в коробку и порылся в бумажках. Энджи смотрела, затаив дыхание: как же назовут котеночка?

Джон выбрал одну бумажку и вытащил.

– Феликс, – не терпящим возражений тоном объявил он.

Феликс! Энджи подумала, что лучшего имени и не придумаешь – короткое, приятное и не какой-нибудь Ай-ай-айлоизий. Гарет Хоуп, наоборот, был слегка разочарован. А когда Рейчел узнала, что ее вариант победил, она радостно сжала кулаки и закричала: «Да!» Феликс – отличное кошачье имя, и черно-белому малышу оно и правда подходило идеально.

Энджи наклонилась к котенку и взяла его в руки.

– С добрым утром, Феликс, – сказала она.

Котенок недовольно на нее посмотрел.

– С добрым утром, красавчик, – добавила Энджи. От некоторых привычек сложно отвыкать.

Глава 7. Феликс – маг

Котенок провел на станции уже неделю, и атмосфера совершенно преобразилась. Коллектив станции Хаддерсфилд всегда был по-семейному сплоченным, но у людей, которым приходится так тесно общаться, не обходится без склок и мелких придирок, как и в настоящих семьях. Котенок принес с собой мир и согласие. Все были воодушевлены, как никогда. По средам в баре «На всех парах» на северном конце платформы номер 1 по вечерам играли джаз. Теперь железнодорожники пританцовывали, обходя платформы под звуки блюза, разносящиеся в летнем воздухе. Котенок всех пленил и очаровал.

Никто не остался равнодушным. Энджи Хант, к своему изумлению, однажды застала Билли за тем, что он тайком играет с котенком. Столы в бригадирской были с отверстиями, куда можно пропускать провода от компьютера к розетке; у Билли отверстие в столе было свободно, и Энджи увидела, как он просунул туда пальцы и шевелит ими, а Феликс замороженно наблюдает, сидя на полу.

– Все с тобой понятно, Билли, – по-йоркширски нараспев сказала она.

Билли кашлянул; у него был хрипловатый кашель курильщика.

– Ну да, миссис Ха, – ответил он и посмотрел на котика. Тот начал умываться шершавым розовым языком, чтобы черная шерстка еще больше распушилась. – До чего он все-таки хорош.

– Это правда, Билли, – ответила Энджи и тихонько улыбнулась.

Сама она рядом с котенком чувствовала себя на седьмом небе. День ото дня они с Феликсом становились нежнее друг к другу. Когда Энджи работала за столом, Феликс забирался ей на колени. Через некоторое время он начинал тянуться лапками к ее плечам; она смотрела в запрокинутую мордашку и разрешала: «Ну, залезай». Тогда он взбирался ей на плечо, укладывался и лежал, раскинувшись, как теплый меховой шарф, пока она стучала по клавишам.

Феликс, как выяснилось, очень любил ласкаться. Энди Кроган, дежуря в ночную смену – а это было тихое время, на станции оставалось всего два человека, – обнаружил, что Феликс повсюду ходит за ним следом. Когда он садился за бухгалтерию, котенок пристраивался у него на коленях или на локте и засыпал. Кошка Энди, пестро-полосатая Мисси, тоже была друже-

любной, но никогда не забиралась к нему на колени. Когда Феликс впервые залез к нему на руки, Энди был глубоко растроган. Разумеется, скоро невозможно стало сесть, чтобы котенок не явился требовать внимания, как будто капризный трехлетний малыш – но почему-то Энди на него почти не сердился.

Когда Феликс не спал, то с удовольствием помогал подсчитывать выручку. Не зря же он состоял в штате! Вот только разницы между работой и игрой шустрый котенок не видел. Энди считал деньги, а Феликс норовил накрыть их лапкой, будто гигантский выигрыш в казино. Он плюхался на деньги задом, разваливался на бухгалтерской ведомости, гонял через полкомнаты оброненную купюру. Случалось, что в ту самую минуту, как Энди все скрупулезно подсчитал и сложил наличность аккуратными стопками, Феликс пугался какого-нибудь звука снаружи и кидался бежать напролом – деньги так и летели во все стороны!

Гарету Феликс тоже не очень-то помогал в работе. Котенок поступал с ним так же, как с Энджи – как со спортивным снарядом для лазания. Сначала он забирался Гарету на колени, потом карабкался по груди на плечо, а иногда вытягивался во всю длину по его спине, так что диктор не смел шевельнуться, пока котенок не изволит проснуться. Иногда же Феликс бесстрашно поднимался к самым недоступным вершинам: перелезал с плеча Гарета на голову.

Ему очень нравилось там дремать. Он забирался наверх, сворачивался клубочком, нос к хвосту, не падая при этом у Гарета, с макушки, и крепко засыпал. Если в это время к окошку подходил пассажир, Гарет, к своему глубокому сожалению, не мог двинуться с места, не уронив котенка.

– Простите, – кричал он пассажиру как мог любезнее, – я не могу к вам подойти, говорите громче!

Впрочем, никто не возмущался. Большинство, наоборот, были очарованы новым сотрудником и подробно расспрашивали, кто он такой и откуда взялся. Тем не менее, в первые недели Феликса видели в основном железнодорожники, потому что большую часть времени он проводил за кулисами и спал. Считается, что кошки дремлют в среднем по четырнадцать часов в сутки, и в этом отношении Феликс не отличался от своих сородичей. Вот только уютную корзину, которую ему приготовили коллеги, он не одобрял. Вместо нее он предпочитал голову Гарета, локоть Энди и другие самые невообразимые места: спал на компьютерных клавиатурах, в лотках для документов, в служебной душевой или на стульях. Однажды он неосмотрительно пристроился на полке для писем, которая висела на стене, а потом проснулся, заворочался, и полка закачалась. С какой скоростью он оттуда выскочил!

Хотя он спал много часов подряд, на игры тоже оставалось достаточно времени. Феликс был бодр, а в комнатах полно возможностей. Если Гарет подносил его к окошку – классическому, с выемкой, куда пассажиры кладут деньги, а кассир билеты, – Феликс обожал совать туда лапы. Даже совсем маленьким котенком он сам не мог пролезть наружу, но старался изо всех сил. Ему удавалось лечь головой в углубление и высунуть одну лапку в белом носочке, остальное застревало. Еще он любил резвиться в комнате (разумеется, под неусыпным наблюдением кого-нибудь из коллег). Гарет приглашал его что-нибудь объявить за компанию, но Феликс только растерянно нюхал микрофон, и пассажиры так и не услышали из громкоговорителей ни единого «мяу». Феликс радовался скомканным бумажкам, а ручки, привязанные шнурком к планшетам, на которых расписывались, заступая на смену, радовали его почти так же, как мышки на веревочках дома у Бриско.

К концу первой недели, освоившись среди всего этого богатства, Феликс наловчился использовать для игр канцтовары и оборудование, а ничего специально кошачьего у него не было; плюшевый медведь не в счет – он был из совсем другой категории. Но скоро все изменилось.

Энджи видела все своими глазами. Она была чем-то занята и не сразу поняла, что происходит. В тот день дежурил Мартин. Энджи помнила, как Мартин говорил Феликсу, когда

тот только появился на станции: «Не садись здесь» и снимал кота со стола. Он явно не любил кошек. Ну и ладно, каждому свое.

А теперь Мартин сказал:

– Иди-ка сюда. Ну, залезай.

Краем глаза Энджи увидела, как Феликс запрыгнул на стол, прошелся туда-сюда, потом сел на клавиатуру. Меньше недели назад Мартин запретил бы ему тут сидеть, но Феликс, похоже, успел с ним подружиться.

Энджи смотрела во все глаза, а Мартин выдвинул ящик стола и достал небольшой подарок для Феликса – коричневую мышку на красной веревочке. Станционному коту впервые в жизни сделал подарок коллега, да не кто-нибудь, а Мартин, человек тихий и необщительный.

То, насколько изменился ее коллега, поразило Энджи. Феликс затронул его душу – да и почти всех в коллективе.

– Он кучу людей заставил слезть с пьедестала, – говорила Энджи. – А то сидит кто-нибудь, никого не хочет замечать... Котик просто творит чудеса. С тех пор, как он появился, у многих характер улучшился.

Но главный вопрос оставался открытым: улучшится ли характер у того, кто решит судьбу Феликса? Назначение Пола закончилось, начальник вернулся.

Гарет в жизни так не волновался. В первое утро, когда начальником станции снова стал Пол, он чувствовал себя как на иголках. Он осторожно пробрался в дикторскую, и там его встретил пуховый комочек.

– Привет, Феликс, – сказал Гарет и задумался, сколько еще раз сможет поздороваться с котиком. По крайней мере, Пол не велел сразу его вышвырнуть.

Феликс забрался к Гарету на колени, как у них теперь было заведено, свернулся клубочком и заснул. Так их и застал Пол, когда заглянул в дикторскую. Гарет не предупредил его, что на вокзале завели кота – слишком боялся принести дурные вести под горячую руку, но, видимо, кто-то другой проговорился.

Пол тихо закрыл за собой дверь, посмотрел на молодого диктора с черно-белым котенком на коленях. Его брови поползли вверх... Затем Пол слегка покачал головой, как будто считал это забавным, усмехнулся и ничего не сказал.

Феликс остался на станции.

Глава 8. Новые открытия

Полу хватило одного дня, чтобы проникнуться симпатией к котенку. Наутро он уже играл с ним так же увлеченно, как и остальные сотрудники железной дороги. И именно Пол вместе с Энджи Хант организовал следующее крупное событие в жизни Феликса: его первый визит к ветеринару.

Феликс был смышленным котом, но иногда вел себя неразумно. Его совсем недавно утвердили в должности, и он не слишком интересовался иерархией в компании. Когда Пол попытался осторожно засунуть его в переноску, Феликс дал сдачи. Бац! На носу у начальника станции появилось три царапины, словно от колючек. Нечего сказать, Феликс, умеешь ты ладить с руководством!

А кот, видимо, не забыл, как испугался, когда его везли на станцию Хаддерсфилд. Переноска у него была теперь собственная, другой модели, чем та, в которую его сажали Бриско – светло-голубая снизу и кремовая сверху, – но когда он увидел на столе этот зловещий ящик с разверстой пластмассовой пастью, то сообразил, что переноска дожидается его, и впал в неистовство. Пол и Энджи затолкали его внутрь и отвезли к ветеринару. Настроение у Феликса за время дороги не улучшилось.

Никто из животных не любит посещать ветеринара, и их можно понять. Для Феликса это был первый раз, но он извелся, сидя в переноске, а потом окончательно потерял самообладание, сидя в коридоре вместе с другими животными. Ему предстоял общий осмотр и первая прививка.

Ветеринар осторожно вынул из переноски котенка, который злобно шурился. Затем, к огромному неудовольствию Феликса, его снова нагло перевернули вверх тормашками и стали щупать под хвостом.

– О, – авторитетно сообщил ветеринар, – да у вас девочка.

Пол и Энджи ошарашенно переглянулись. Такого они не ожидали. А Феликс, когда ее развернули обратно и посадили на металлический стол, принялась сердито вылизываться, но совершенно не удивилась. «Ну да, – словно говорила она, – чего вы рты разинули? Я барышня».

На вокзале новость произвела фурор. Кто-то смеялся, кто-то разводил руками: как это вообще произошло? А затем возник серьезный вопрос: нужно ли переименовывать Феликс?

Результат благотворительной лотереи никто не собирался оспаривать, но справедливо ли оставлять кошке имя, подходящее для кота? Не лучше ли назвать ее «Фелиция»? От предложений не было отбоя.

Но она так и осталась Феликс. Это имя ей шло. Оно выделяло ее из общей массы, намекало, что у нее сильный характер – а хаддерсфилдская станционная кошка такой и была. Постепенно она запомнила свое имя и даже научилась приходить, когда ее зовут (но только под настроение). Судя по всему, имя ей нравилось. Ей вообще нравилась станционная жизнь, да иначе и быть не могло, так все ее баловали.

Каждый день у нее был праздник. Следующие несколько недель в служебных помещениях вокзала были сплошь заполнены развлечениями. Подарок Мартина оказался далеко не последним; бригадир Дейв Руни подарил Феликс первую лазерную игрушку, и та была в восторге, особенно в ночную смену, когда огонек ярко светился в темноте.

«Феликс, что это? – спрашивали у нее, включив лазер. – Что это?» Она оборачивалась, а луч выключали: «Где зайчик, где зайчик?» Включали обратно: «Вон он, лови его, Феликс, лови!» И она принималась носиться за неуловимым огоньком.

Не забывала она и свое любимое занятие: засыпать на всем, что хоть полминуты простоит неподвижно. Нередко она разваливалась на нужных вещах с таким хозяйским видом, словно считала, что не мешает, а помогает коллегам работать, хотя ничто не могло быть дальше от истины. Например, в качестве одной из лежанок она облюбовала стопку сумок, куда проводники убирают выручку. И вот они выстраиваются в очередь и торопятся к своим поездкам, но сначала нужно разбудить блаженно развалившуюся на сумках кошку. В конце концов они научились выдергивать сумки из-под Феликс так же ловко, как фокусник сдергивает со стола скатерть, не опрокинув посуду. А кошка пристально наблюдала за ними, словно в надежде разгадать, в чем фокус.

Феликс обживалась на станции, а Энджи и остальные учились вести ее финансы. Все расходы оплачивала железная дорога, но в бухгалтерских ведомостях их нужно было записать в какую-нибудь статью, объяснить, на что потрачены деньги. Когда Энджи первый раз занесла в ведомость корм для Феликс, она долго грызла шариковую ручку в раздумьях, наконец улыбнулась и написала: «Еда для дератизатора».

С тех пор Феликс часто называли «наш дератизатор», но правильнее было бы назвать ее стихийным бедствием.

У нее была когтеточка, но ей больше нравилось точить коготки об стулья, обтянутые тканью доски объявлений, а также об одежду (и руки!) окружающих. С каждым днем она становилась все более крупной и резвой, а еще научилась совмещать два любимых занятия: воздушную акробатику, опробованную на Гарете, и классическое танго со штаниной, от которого так страдал ее почетный дедушка Крис Бриско.

Подкараулив какого-нибудь беспечного железнодорожника, Феликс кидалась на него и начинала карабкаться ему на спину. Сначала вонзались коготки, потом котенок повисал всей своей тяжестью на форменных брюках. Цепляясь за ткань, Феликс взбиралась по ногам, оттуда на гладкую форменную рубашку, подтягивалась на плечо, как на турник, и совершала коронный номер: запрыгивала на самый верх. Ощущения от ее когтей были такие, словно в голову вбивают флаг с надписью «Феликс».

Она проделывала это с множеством людей, но, как нетрудно догадаться, мало кому нравилось работать скалодромом. Только самые стойкие, вроде Гарета, позволяли ей увлеченно заниматься альпинизмом.

Брюки у всех приобрели плачевный вид, сплошь в мелких дырочках и затянутых нитках, потому что даже если Феликс ссаживали на пол, она успевала зацепить брюки. Стало ясно, что она слишком засиделась в четырех стенах.

В середине августа 2011 года Феликс исполнилось двенадцать недель, и ей сделали вторую, последнюю, прививку. Все видели, как она выросла, а ее глаза приобрели восхитительный переливчато-зеленый цвет, совсем как у матери.

Родителям всегда нелегко признавать, что их чадо повзрослело, но Гарет Хоуп как-то вечером все-таки решил, что Феликс готова для знакомства с внешним миром. До сих пор она, не считая визитов к ветеринару, жила в служебных помещениях, где дверь всегда плотно закрывали, чтобы она не выскользнула наружу. Она привыкла, что вселенная так устроена: люди входят и выходят, а ее не выпускают.

В тот вечер, когда летние сумерки сменились темнотой и наступила ночь, Гарет собрался с духом и открыл дверь.

– Вперед, – сказал он своей маленькой приятельнице. – Можешь выглянуть наружу.

Феликс чуть не кувыркнулась через голову от неожиданности, а потом выбежала за порог, радуясь грандиозному приключению. Она смело устремилась к общему выходу на платформу номер 1, который находился сразу за служебным и всегда был открыт. Там она замерла, словно удивленная, что за дверью не комната, а огромное бескрайнее пространство. Впечатления обрушились на нее и отбросили назад, как удар молота, и она не могла двинуться дальше, пока не переварит их новизну.

В поздний час на станции было тихо – но только по сравнению с часом пик, и в темноте ночные звуки казались в сто раз громче, особенно для ушек Феликс.

Поездов на путях не было. Ее слух завораживали другие мелодии: пластиковые мешки для мусора шуршали на ветру в своих рамах; в зале цокали женские каблуки; гудело электричество в лампах и всегда включенных световых форах. Феликс была насторожена и напряжена, но Гарет оставался рядом. Он стоял в нескольких шагах позади и присматривал за своей подопечной. Хоть она и подросла, но все еще была котенком, а на пороге удивительного нового мира вдруг стала казаться еще меньше.

Ободренная его присутствием, Феликс снова повернулась к платформе номер 1. Она села на порог и стала осматриваться, поворачивая голову то вправо, то влево, вглядываясь в то, что ее окружало. Ровная бетонная поверхность платформы уходила вперед и обрывалась за ярко-желтой линией; Феликс не хотелось выяснять, что находится на дне этой пропасти. На другой стороне ущелья виднелась другая платформа, номер 4, а слева можно было различить начало платформы номер 2, которая находилась сразу за ее родной платформой номер 1. Платформа 2 заканчивалась пандусом до самой земли, но оттуда, где Феликс сидела, его не было видно. По меркам котенка до него было не ближе, чем до Сибири. Справа от нее находились стойки для велосипедов, и они уже в первую вылазку показали ей хорошим укрытием; возможно, она даже взяла их на заметку.

Станционная кошка тихо смотрела по сторонам, и тут вечерний августовский ветерок впервые пошевелил ее мех, поднял стоймя каждую черную шерстинку. Она моргнула огромными зелеными глазами, встопорщила белые усы, принялась ко всем этим новым запахам. Вид у нее был такой, словно она была готова ахнуть от восторга.

Знакомься, Феликс, это мир. Мир, это Феликс.

Маленькая кошка еще не знала, что станет здесь царицей.

Глава 9. Восхитительный новый мир

– Феликс, ты идешь?

Гарет Хоуп остановился на пороге. Это было через несколько дней, и кошечке не потребовалось нового приглашения. Она кинулась через комнату, вскарабкалась по его длинным худым ногам и устроилась на плече, словно пиратский попугай.

– Сегодня, Феликс, – сказал Гарет, – мы с тобой пойдем на обход.

Обход полагалось делать в каждую смену, чтобы убедиться, что вокзал работает правильно и безопасно. Железнодорожники все осматривали, заглядывали в разные укромные углы, и это была прекрасная возможность показать Феликс границы ее нового дома. Она была еще так мала, что пока не обходила свои владения, а объезжала, сидя на плече у Гарета.

После той летней ночи, когда Феликс впервые вышла из помещения, Гарет и коллеги еще несколько раз выпускали ее наружу, и то лишь поздней ночью. Феликс не отходила далеко от порога. С половины первого до пяти утра главный вход на станцию Хаддерсфилд закрывал тяжелые филенчатые синие двери, которые запирались большой бронзовой задвижкой. Ночью их открывали редко – только за пятнадцать минут до отправления нескольких предутренних поездов, а потом тут же закрывали. При запертых дверях на вокзале оставались только Феликс и двое дежурных: идеальная возможность показать котенку платформу номер 1, когда там нет ни поездов, ни пассажиров. Феликс боялась уходить далеко, но ей понравилось прятаться за стойками для велосипедов. Стойки возвышались над ней, как металлические деревья, и за их толстыми стальными ветками, в нескольких шагах от желтой кирпичной стены вокзала, она, видимо, чувствовала себя в безопасности.

В тот вечер Гарет вывел ее чуть раньше, чем она привыкла, еще до захода солнца. Весь день стояла прекрасная летняя погода, и когда Феликс с Гаретом зашагали по платформе номер 1, воздух еще дрожал от дневного жара. Феликс озиралась по сторонам огромными зелеными глазами. Маленькому котенку было на что посмотреть. Людей в этот час было больше. Грохот сумки-тележки в зале, басовитый мужской смех – все заставляло ее наострить уши. Она уже успела привыкнуть к людям, звуки не казались ей страшными, как и удивленные лица тех, кто встречал Гарета в ее обществе.

Весело покачиваясь у Гарета на плече, Феликс замечала кофейню на платформе номер 1 и двери справа, ведущие к главному входу на станцию, а оттуда на площадь Святого Георгия и в центр Хаддерсфилда. Она встрепенулась, когда из глубин, точно кит, всплыл странный стеклянный ящик – лифт, поднимавшийся на платформу из подземного перехода. Феликс обернулась и озадаченно посмотрела на него через плечо, но они с Гаретом шли в другую сторону.

Гарет стал спускаться по лестнице, слегка придерживая Феликс рукой. Они оказались внизу, под путями. Хаддерсфилд – очень старый вокзал, он охраняется государством как памятник архитектуры. Первый камень заложили 9 октября 1846 г.; в честь этого события объявили выходной, а церковные колокола звонили весь день. Мало кто знает, но под самой станцией соорудили целый лабиринт подземных коридоров и комнат. Сейчас посторонних в них не пускают, а в девятнадцатом веке там находились служебные помещения, подвалы для угля, фонарные и даже зал ожидания первого класса. Все это давно пришло в запустение, залы стояли темные и заброшенные, огонь не плясал в старинных каминах, там только копилась пыль и грязь. В нескольких комнатах «Транспеннинский экспресс» разместил склады и хранил оборудование, но большая часть помещений оставались незанятыми. Это было жутковатое подземелье, о котором в пору рассказывать истории с привидениями, а не дорожные байки. Некоторые из сотрудников железной дороги побаивались этого места, и Гарет ни за что не отпустил бы Феликс туда гулять – еще заблудится! Он прошел с ней по ярко освещенному подземному переходу, где светло, чисто и нельзя потеряться.

Из-под земли они поднялись по лестнице на платформу номер 4. Феликс вертела головой, разглядывая все, что попадалось на пути, и прислушиваясь к каждому новому звуку. Между платформами номер 4 и номер 8 находится буфет, но в этот вечерний час он был уже закрыт. Зато по утрам там царило оживление, сонных пассажиров манил аромат жареной ветчины и звон посуды. Когда наши путешественники вышли на поверхность, Феликс посмотрела в южный конец станции и увидела платформы номер 5 и номер 6. Туда между платформами 4 и 8 ведет отдельный путь. Хорошо, что цифры Феликс не интересовали, потому что в здешней нумерации запутался бы и самый гениальный математик – например, платформ номер 3 и 7 в Хаддерсфилде вообще нет.

Но пути, да и люди, не привлекали Феликс – ее глаза загорелись, когда она посмотрела на крышу.

Листы гофрированного железа покрывают хаддерсфилдский вокзал не полностью; в крыше есть зазор, прямо над путями. Но котенок заинтересовался не открытым небом, а воронами.

Несколько крупных, черных ворон жили на станции и вели себя по-хозяйски. Крышу поддерживало переплетение стальных балок, на которых птицы рассаживались с большим удобством. Они были нахальными, самодовольными, их гладкие перья лоснились, как нефть, а размером они в то время превосходили Феликс. Она посмотрела, как они слетают на платформу и подбирают оброненные пассажирами крошки, и тревожно нахмурилась, словно хотела пожаловаться на них и сказать, что они ей не очень нравятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.